

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИНВЕРСИИ РОЛЕЙ «ГОСТЬ – ХОЗЯИН» В РУССКИХ И КОРЕЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Ким Ольга Анатольевна

Кандидат филологических наук

Узбекский государственный университет мировых языков

e-mail: tideson@mail.ru

Аннотация. В настоящем исследовании рассматривается лингвокультурный аспект инверсии ролей «гость – хозяин» в русской и корейской паремиологии. Анализ показал, что паремии обеих культурных традиций отражают не только нормативные ожидания, связанные с поведением гостя и хозяина, но и случаи нарушения иерархического порядка, репрезентируемые в форме символической или бытовой инверсии. Ролевая инверсия в пословицах, поговорках и идиомах функционирует как универсальный механизм культурной артикуляции – одновременно утверждающий социальную норму и маркирующий её возможное нарушение в рамках традиционных моделей межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: инверсия ролей, паремия, межличностное взаимодействие, гость, хозяин.

RUS VA KOREYS PAREMIYALARIDA “MEHMON – XO‘JAYIN” ROLLARINING INVERSIYASI LINGVOMADANIY ASPECT

Kim Olga Anatolevna

Filologiya fanlari nomzodi

O‘zbekiston Davlat Jahon tillari universiteti

e-mail: tideson@mail.ru

Annotatsiya. Ushbu tadqiqotda rus va koreys paremiologiyasida “mehmon – xo‘jayin” rollarining inversiyasi lingvomadaniy jihatdan tahlil qilinadi. Tahlil shuni ko‘rsatadiki, har ikki madaniy an‘ana paremiya tizimi orqali nafaqat mehmon va xo‘jayinning xulqiga oid me‘yoriy kutishlarni, balki ierarxik tartibning buzilishi holatlarini ham aks ettiradi. Bunday buzilishlar ramziy yoki hayotiy inversiya shaklida ifodalanadi. Paremiya, maqol va idiomalarda namoyon bo‘lgan rollar inversiyasi madaniy artikulyatsiyaning universal mexanizmi sifatida xizmat qiladi – bu, bir tomondan, ijtimoiy me‘yorni tasdiqlaydi, ikkinchi tomondan esa an‘anaviy shaxslararo munosabatlar modelida uning mumkin bo‘lgan buzilishini belgilaydi.

Kalit so‘zlar: rollar inversiyasi, paremiya, shaxslararo munosabat, mehmon, xo‘jayin.

LINGUOCULTURAL ASPECT OF ROLE INVERSION “GUEST – HOST” IN RUSSIAN AND KOREAN PAREMIAS

Kim Olga Anatolyevna

PhD in Philology

Uzbek State University of World Languages

e-mail: tideson@mail.ru

Abstract. This study explores the linguocultural aspect of role inversion between “guest” and “host” in Russian and Korean paremiology. The analysis reveals that proverbs from both cultural traditions reflect not only normative expectations related to guest and host behavior, but also instances of hierarchical disruption represented through symbolic or everyday inversion. Role inversion in proverbs, sayings, and idioms functions as a universal mechanism of cultural articulation—affirming social norms while simultaneously marking their potential violation within traditional models of interpersonal interaction.

Keywords: role inversion, paremia, interpersonal interaction, guest, host.

В любой культуре отношения между гостем и хозяином регулируются устойчивыми поведенческими моделями, закреплёнными в языке, традиции и этике. Гость, как временный участник коммуникации, и хозяин, как носитель социального пространства, представляют собой не только реальные роли, но и символические фигуры, отражающие ключевые представления о социальной норме, иерархии, субординации и допустимых границах. В языковом сознании данные отношения часто описываются с помощью паремий – кратких фольклорных высказываний, передающих накопленный культурный опыт.

Особый интерес в паремиологической системе представляют выражения, в которых фиксируется инверсия ролей: гость занимает позицию хозяина, нарушая тем самым привычный порядок. Такие случаи служат не только для описания социально неодобряемого поведения, но и для символической артикуляции границ, за пределами которых проявляется культурное напряжение. В паремиях с мотивом инверсии культурный порядок оказывается смещённым, что позволяет выявить устойчивые механизмы социокультурного регулирования и контроля.

Выбор данных лингвокультур продиктован их противоположными культурно-историческими и конфессиональными традициями, что позволяет проследить как универсальные, так и специфические аспекты концептуализации социальных ролей.

Актуальность работы обусловлена необходимостью глубинного осмысления символических моделей взаимодействия в обществе и их отражения в языковой картине мира. Исследование направлено на то, чтобы установить, каким образом инверсия ролевых позиций функционирует как метафора нарушения, сатиры или иронии и каковы культурные механизмы реагирования на подобные ситуации.

Целью настоящего исследования является выявление и описание лингвокультурных особенностей инверсии ролей «гость – хозяин» в русской и корейской паремиологической традиции, а также интерпретация подобных ролевых смещений как механизмов репрезентации социальных норм, иерархии и допустимого поведения в культуре.

Настоящее исследование направлено на выявление и классификацию русских и корейских паремий, отражающих инверсию ролей «гость – хозяин», на проведение лингвокультурологического анализа с акцентом на символике нарушения субординации, а также на определение типологических сходств и культурно-специфических различий в отражении данной инверсии.

Для решения указанных задач используются лингвокультурологический анализ, позволяющий интерпретировать символические значения, зафиксированные в паремиях, сопоставительный метод, применяемый для выявления типологических сходств и культурно-специфических различий между русской и корейской лингвокультурами, и контекстуально-интерпретационный подход, раскрывающий социокультурный контекст и нормативные установки, скрытые за языковыми единицами.

Проблема ролевой инверсии в языке и культуре освещается в ряде отечественных и зарубежных исследований, в которых подчёркивается её значимость как механизма переосмысления социальных ролей, норм и иерархий. Так, в статье С. Р. Аблеева и С. И. Кузьминской инверсия рассматривается как способ деконструкции традиционных гендерных ролей и культурных сценариев, в том числе в лингвистических формах, отражающих изменение ролевой перспективы [2].

В рамках библейской традиции феномен инверсии в контексте гостеприимства подробно анализируется в работе Shirley S. Ho “Making Wise the Stranger: Sapiential Hospitality in Proverbs 1–9” (2021). Автор демонстрирует, как в притчах древнееврейской культуры образ гостя может трансформироваться в субъект власти, что приводит к размыванию границ между хозяином и пришлым. Исследование подчёркивает универсальность культурного механизма смены ролей, особенно в ситуациях этически нагруженного взаимодействия [1].

В русской лингвокультурной традиции нормы гостеприимства, а также допустимые границы поведения гостей и хозяев отражены в богатом паремиологическом материале, собранном В. И. Далем в разделе «Гость – хлебосольство». Пословицы данной группы часто фиксируют как одобряемые модели поведения, так и случаи их нарушения, что делает возможным выявление скрытых явных форм ролевой инверсии [3].

Особое внимание к лексеме «гость» в аспекте её семантической многозначности уделено в наших предыдущих работах: в исследовании метафорически и метонимически мотивированной семантической многозначности лексемы «гость» в русском и корейском языках; в изучении семантической оппозиции «дневной гость / ночной гость» [4; 5].

Таким образом, несмотря на наличие теоретических и эмпирических разработок, проблема инверсии ролей «гость – хозяин» в паремиологическом дискурсе остаётся недостаточно разработанной, особенно в сопоставительном аспекте. Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела через анализ символических и прагматических значений, закреплённых в паремиях русского и корейского языков.

Инверсия (от лат. *inversio* – переворачивание, изменение порядка) в лингвокультурологическом контексте понимается как символическое или речевое нарушение ожидаемой социальной или коммуникативной иерархии, при котором происходит замещение типичных ролевых позиций (например, «гость» принимает поведение «хозяина»). Это явление отражает сбой нормативного порядка и фиксируется в языке через устойчивые выражения, в частности, паремии, где оно может выполнять как оценочную, так и регулятивную функцию в системе межличностных отношений.

И в русских, и в корейских паремиях роль *гостя*, пытающегося стать *хозяином*, оценивается явно негативно. Обе культуры через пословицы и идиомы доносят схожий нравственный урок: нарушение установленного ролевого порядка в отношениях «гость – хозяин» недопустимо. Гость, переступающий границы дозволенного, становится объектом осуждения, а сами такие ситуации изображаются метафорами перевёрнутого мира. Это типологическое сходство объясняется универсальной природой гостеприимства: во многих культурах хозяин наделён ведущей ролью и властью на своей территории, а гость – ролью подчинённой стороны, временно принимающей правила дома. Попытка же поменять эти роли местами рассматривается как посягательство на социальный порядок, что отражено в фольклорной мудрости обоих народов.

В то же время, имеются и культурно-специфические различия в образной символике и акцентах подобных паремий. Русские пословицы зачастую подчёркивают *нормативный аспект* гостевых отношений через прямые указания и гиперболы. Например, выражения «*в гостях – что в неволе*» или «*гость хозяину не указчик*» прямо указывают на подчинённое положение гостя

Русская традиция не избегает резкой оценки: незванный гость приравнивается к врагу или худшему из врагов («*хуже татарина*»), что свидетельствует о серьёзности нарушения границ гостеприимства. Также в русских поговорках нередко используются образы из сферы религии и порядка: «*чужой монастырь*» с чужим уставом стал нарицательным символом любого чужого дома или сообщества, требующего уважения его уставов.

Таким образом, русские паремии акцентируют принцип: чужой дом – строгая территория хозяина, где самовольному гостю «нечего указывать». Нарушение субординации является нарушением порядка и традиции, или вторжением чужака, несущего потенциальную угрозу.

Корейские же паремии, отражающие инверсию «гость – хозяин», выделяются образностью и ироничной конкретикой бытовых ситуаций. В них фигурируют метафоры из повседневной жизни: постоялец, который храпит, символизируя чрезмерную раскованность гостя; голубь в гнезде сороки – яркий зоосимвол захвата чужого места. Эти образы вызывают улыбку, но служат серьёзным предупреждением: в конфуцианской по духу корейской культуре строго осуждается тот, кто не знает «своего места».

Множество выражений содержат оценку, когда описывается гость или нижестоящий, возомнивший себя главным, например: 주객전도 (主客顛倒) – *«Хозяин и гость поменялись местами»*, дословно *«Гость наоборот выступает хозяином»*. Эта идиома употребляется широко, обозначая не только прямую ситуацию с гостеприимством, но и вообще любое *переворачивание главного и второстепенного*. Или идиома 적반하장 (賊反荷杖) – *«Вор сам хватается палку»*, когда виновник ведёт себя как обвинитель.

В поговорке «주제넘게 남의 일에 걱정함» – *«Не по чину заботиться о чужих делах»* прослеживается метафора нарушения субординации: зависимый берет на себя роль распорядителя, что в корейской традиции рассматривается как комичная и неприемлемая инверсия ролей.

Поговорку «결방살이 코 곤다» – *«Постоялец храпит»* используют, когда человек, живущий в чужом доме, настолько расслабился, что даже храпит во сне. Поговорка осуждает того, кто *“не знает своей меры”* и ведёт себя бесцеремонно, словно хозяин, хотя находится на чужой территории

Яркая образная пословица 까치집에 비둘기 들어 있다 – *«В сорочьем гнезде находится голубь»*, которая означает, что чужак поселился в чужом доме и ведёт себя как хозяин. Голубь, занявший гнездо сороки, – метафора *нарушения порядка*: пришедший со стороны гость захватывает пространство хозяина.

В пословице «남의 잔치에 감 놓아라 배 놓아라 한다» – *«На чужом пиру говорит: “Положи здесь хурму, а там – грушу”»* корейцы порицают излишнее вмешательство в чужие дела, когда гость указывает хозяину, как тому накрывать на стол. Изначально речь шла о госте на чужом празднике или поминках, который командует, куда класть угощения, – т.е. совершает явную ролевою инверсию. В речи фразой “감 놔라 배 놔라 한다” – *«Положи хурму, а там – грушу»* называют любого человека, который, не будучи главным, раздаёт непрошенные указания, подобно гостю, распоряжающемуся в чужом доме.

Все эти выражения, будь то народные пословицы или идиомы, указывают на глубокую укоренённость темы субординации в корейской языковой картине мира. Гость, присваивающий роль хозяина, в корейских

изречениях клеймится как человек «*без совести*», *наглец* или просто *глупец*, нарушающий гармонию социальных ролей.

Общие модели инверсии в обеих традициях показывают, что смена ролей гостя и хозяина символизирует *хаос и неуважение к порядку*. Однако русские пословицы выражают это чаще через призму *нарушения порядка с точки зрения хозяина* (для которого незваный гость – бедствие, а командующий гость – непорядок), тогда как корейские – через *неуместное поведение самого гостя*, выставяя его на посмешище. В русской культуре хозяин дома представляется бесспорным властителем своей территории (отсюда императивы: «не ходи со своим уставом», «слушай хозяина»).

В корейской культуре, при всём почтительном отношении к гостям, тоже существует чёткая иерархия: гостю отведена своя роль, и попытка «вести себя как хозяин» – знак крайней невоспитанности. Корейские паремии уделяют внимание самому факту перевёртывания ролей как комическому и поучительному явлению, используя образы бытовой несообразности (гость командует на празднике, гость поучает хозяина и т.д.).

Рассмотрим другие паремии (Таблица 1):

Таблица 1.

Лингвокультурная инверсия «гость – хозяин»

Паремия	Лингвокультурная интерпретация
<i>Не тот гость, кто сидит, а тот, кто командует.</i>	Ироничная репрезентация инверсии ролей: гость нарушает пассивную позицию и претендует на власть, нарушая иерархические ожидания.
<i>Пришёл в гости – не садись в председатели.</i>	Нормативное предостережение: визит не даёт права на доминирование. Иллюстрирует социальную установку на сдержанность и субординацию.
<i>Гостю почёт – да не навек.</i>	Формула ограниченного уважения: признание почтения гостя с обозначением временных рамок, демонстрирует хрупкость ролевого статуса.
<i>Гостю три дня – честь, на четвёртый – тягость.</i>	Подчёркивает нормативные временные рамки пребывания гостя, нарушая которые он становится нежеланным.
<i>Пора гостям и честь знать.</i>	Ироничная форма критики чрезмерного визита. Выражает требование соблюдения ролевой меры.
반객위주 [bangaek wiju] – <i>Гость становится хозяином.</i>	Явное обозначение инверсии ролей: гость захватывает властную позицию, нарушая ролевую норму.
주객전도 [jugaek jeondo] – <i>Хозяин и гость поменялись местами.</i>	Классическая формула нарушения ролевой симметрии, символизирует потерю социального порядка.
나그네가 주인 노릇 한다 [nageunega juin noreut handa] – <i>Гость ведёт себя как хозяин.</i>	Оценка поведенческого нарушения: гость принимает на себя инициативу, не будучи на это уполномоченным.

나그네 주인 쫓는 격 [nageune juin jjotneun gyeok] – Как если бы гость выгонял хозяина.	Крайняя форма инверсии, обозначающая недопустимость перехода гостя в позицию доминирования.
회빈작주 [hoebin jakju] – Гость становится хозяином.	Формула об узурпации роли: гость игнорирует субординацию и управляет ситуацией.
도적이 주인더러 밥 잡수 한다 [dojeoki juindeoreo bap japsu handa] – Вор говорит хозяину: «Ты поешь».	Метафорическая картина, где нарушитель социальных норм обращается к хозяину свысока. Выражает крайнее нарушение субординации.
주인의 자리는 빼앗지 않 는다 [juinui jarineun ppaeatji anneunda] – Место хозяина не занимаешь	Указывает на норму уважения к социальной позиции хозяина. Даже высокопоставленный гость должен соблюдать дистанцию.
주인 많은 나그네 밥 굶는 다 [juin maneun nageune bap gumneunda] – Когда хозяев много, гость остаётся голодным.	Символическая утрата управляемости и статуса, когда множественность властей приводит к дезорганизации.

Анализ русских и корейских паремий с компонентом «гость» позволил выявить устойчивую культурную модель инверсии ролей «гость – хозяин», функционирующую как способ выражения нормативных ожиданий, ценностных установок и санкционируемых отклонений от ролевой субординации.

В обеих лингвокультурах нарушение иерархии между хозяином и гостем рассматривается как символически значимое отклонение от социального порядка, что фиксируется в форме предостережений, иронии или осуждения.

Классификация отобранного паремиологического материала показала, что инверсия может репрезентироваться как открытое ролевое нарушение (например, когда гость начинает распоряжаться как хозяин), так и в форме скрытого дисбаланса или потенциального конфликта.

Лингвокультурологический анализ продемонстрировал, что в русской традиции акцент делается на прямом нравоучении, ограничении статуса гостя по времени и допустимому поведению, тогда как в корейской – используется иносказание, метафора и гипербола для формирования негативного отношения к инверсии ролей. Сопоставление выявило типологическую общность – восприятие гостя как временной фигуры с ограниченным ролевым влиянием, а также культурно-специфические черты: в русской культуре

инверсия обыгрывается в прагматическом и этическом ключе, а в корейской – через конфуцианские нормы и символику иерархии.

Таким образом, инверсия ролей «гость – хозяин» в русских и корейских паремиях выступает как универсальный культурный маркер, отражающий границы допустимого поведения в межличностном взаимодействии и фиксирующий важнейшие механизмы культурной регуляции.

Список литературы

1. Ho Shirley S. Making Wise the Stranger: Sapiential Hospitality in Proverbs 1–9 // Open Theology. – 2021. – Vol. 7, No. 1. – Pp. 611–625. – DOI: <https://doi.org/10.1515/opth-2020-0183>.
2. Аблеев С. Р., Кузьминская С. И. Гендерная инверсия в языке и культуре // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 2. – С. 223–226.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа. Раздел «Гость – хлебосольство», о поведении гостей и хозяев. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Пословицы_русского_народа_-_Гость_-_хлебосольство.
4. Ким О. А. Метонимически и метафорически мотивированная многозначность лексемы «гость» в русском и корейском языках // Преподавание языка и литературы. – Ташкент, 2024. – № 2. – С. 64–67.
5. Ким О. А., и др. Семантическая оппозиция «дневной гость / ночной гость» в корейском языке // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2023. – Vol. 117. – P. 50–55.
6. Корейский идиоматический словарь. – URL: sgsg.hankyung.com.
7. Naver 국어사전. – URL: <https://ko.dict.naver.com>
8. Онлайн-словарь русских пословиц и поговорок. – URL: <https://poslovica.ru>
9. 표준국어대사전 [Словарь литературного корейского языка]. – URL: <https://wordrow.kr>.